

Тупейный художник — эпизод 2 из 9

Аркадий причесывал и рисовал одних актрис. Для мужчин был другой парикмахер, а Аркадий если и ходил иногда на мужскую половину, то только в таком случае, если сам граф приказывал отрисовать кого-нибудь в очень благородном виде. Главная особенность гримировального туше этого художника состояла в идейности, благодаря которой он мог придавать лицам самые тонкие и разнообразные выражения.

Призовут его, бывало, говорила Любовь Онисимовна, и скажут: Надо, чтобы в лице было такое-то и такое воображение. Аркадий отойдет, велит актеру или актрисе перед собою стоять или сидеть, а сам сложит руки на груди и думает. И в это время сам всякого красавца краше, потому что ростом он был умеренный, но стройный, как сказать невозможно, носик тоненький и гордый, а глаза ангельские, добрые, и густой хохолок прекрасно с головы на глаза свешивался, так что глядит он, бывало, как из-за туманного облака.

Словом, тупейный художник был красавец и всем нравился. Сам граф его тоже любил и от всех отличал, одевал прелестно, но содержал в самой большой строгости. Ни за что не хотел, чтобы Аркадий еще кого, кроме его, остриг, обрил и причесал, и для того всегда держал его при своей уборной, и, кроме как в театр, Аркадий никуда не имел выхода.

Даже в церковь для исповеди или причастия его не пускали, потому что граф сам в бога не верил, а духовных терпеть не мог, я один раз на пасхе борисоглебских священников со крестом борзыми затравил.¹

Граф же, по словам Любви Онисимовны, был так страшно нехорош, через свое всегдашнее зленье, что на всех зверей сразу походил. Но Аркадий и этому зверообразию умел дать, хотя на время, такое воображение, что когда граф вечером в ложе сидел, то показывался даже многих важнее.

А в натуре-то графа, к большой его досаде, именно и недоставало всего более важности и военного воображения.

И вот, чтобы никто не мог воспользоваться услугами такого неподражаемого артиста, как Аркадий, он сидел весь свой век без выпуска и денег не видал в руках отроду. А было ему тогда уже лет за двадцать пять, а Любви Онисимовне девятнадцатый год. Они, разумеется, были знакомы, и у них образовалось то, что в таковые годы случается, то есть они друг друга полюбили. Но говорить они о своей любви не могли иначе, как далекими намеками при всех, во время гримировки.

Свидания с глаза на глаз были совершенно невозможны и даже немислимы...

Нас, актрис, говорила Любовь Онисимовна, берегли в таком же роде, как у знатных господ берегут кормилиц; при нас были приставлены пожилые женщины, у которых есть дети, и если, помилуй бог, с которою-нибудь из нас что бы случилось, то у тех женщин все дети поступали на страшное тиранство. Завет целомудрия мог нарушать только сам, тот, кто его уставлял.

Рассказанный случай был известен в Орле очень многим. Я слышал об этом от моей бабушки Алферьевой и от известного своею непогрешительною правдивостью старика, купца Ивана Ив. Андросова, который сам видел, как псы духовенство рвали, а спасся от графа только тем, что взял греха на душу. Когда граф его велел привести и спросил: Тебе жаль их?, Андросов отвечал: Никак нет, ваше сиятельство, так им и надо: пусть не шлятся, За это его Каменский помиловал. (Прим. автора.)

Любовь Онисимовна в то время была не только в цвете своей девственной красоты, но и в самом интересном моменте развития своего многостороннего таланта: она пела в хорах подпури, танцевала первые па в Китайской огороднице и, чувствуя призвание к трагизму, знала все роли наглядкою. В каких именно было годах точно не знаю, но случилось, что через Орел проезжал государь (не могу сказать, Александр Павлович или Николай Павлович) и в Орле ночевал, а вечером ожидали, что он будет в театре у графа Каменского.

Граф тогда всю знать к себе в театр пригласил (мест за деньги не продавали), и спектакль поставили самый лучший. Любовь Онисимовна должна была и петь в подпури, и танцевать Китайскую огородницу, а тут вдруг еще во время самой последней репетиции упала кулиса и пришибла ногу актрисе, которой следовало играть в пьесе герцогиню де Бурблян.

Никогда и нигде я не встречал роли этого наименования, но Любовь Онисимовна произносила ее именно так.

Плотников, уронивших кулису, послали на конюшню наказывать, а больную отнесли в ее каморку, но роли герцогини де Бурблян играть было некому. Тут, говорила Любовь Онисимовна, я и вызвалась, потому что мне очень нравилось, как герцогиня де Бурблян у отцовых ног прощенья просит и с распущенными волосами умирает. А у меня у самой волосы были удивительно какие большие и русые, и Аркадий их убирал заглядение.